

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИСПОЛНЕНИЯ

СТЕПАН КАРТАШЯН*

Российско-Армянский (Славянский) университет

Статья посвящена анализу юридической природы постановлений Европейского суда по правам человека и особенностей их исполнения в рамках конвенционной системы защиты прав человека. Показано, что постановления Европейского суда обладают двойственной правовой природой: с одной стороны, они имеют обязательную силу *inter partes* для государства-ответчика, а с другой — формируют авторитетные стандарты толкования Европейской конвенции о защите прав человека для всех государств-участников (*res interpretata*). В статье рассматриваются основные формы реализации постановлений Европейского суда в национальных правовых системах, включая индивидуальные и общие меры исполнения, а также механизм международного надзора за их исполнением, осуществляемый Комитетом министров Совета Европы. Делается вывод, что практика Европейского суда оказывает существенное влияние на развитие национальных правовых систем и способствует формированию общеевропейских стандартов защиты прав человека.

Ключевые слова: *Европейский суд по правам человека; юридическая природа постановлений ЕСПЧ; международный контроль исполнения постановлений ЕСПЧ; Комитет министров Совета Европы; индивидуальные и общие меры исполнения постановлений ЕСПЧ; Европейская конвенция о правах человека; доктрина «живого инструмента»*

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Конвенция) сформировала одну из наиболее развитых региональных систем международной защиты прав человека, центральное место в которой занимает деятельность Европейского суда по правам человека (Суд). В отличие от многих других международных механизмов контроля, постановления Суда обладают обязательной юридической силой и подлежат исполнению государствами —

* **Степан Карташян** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права Института права Российско-армянского (Славянского) университета

Ստեփան Գարտաշյան – իրավաբանական գիտությունների թեկնածու, Ռուս-հայկական (Մլավոնական) համալսարանի Իրավունքի ինստիտուտի միջազգային և եվրոպական իրավունքի ամբիոնի ավագ դասախոս

Stepan Kartashyan – Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Chair of International and European Law, Institute of Law, Russian-Armenian (Slavonic) University

Էլ. փոստ՝ stepan.kartashyan@rau.am ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-9263-337X>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Ստացվել է՝ 11.03.2026

Գրախոսվել է՝ 16.04.2026

Հաստատվել է՝ 02.06.2026

© The Author(s) 2026

участниками Конвенции. Вместе с тем значение постановлений Суда не ограничивается установлением факта нарушения в конкретном деле. Настоящая статья исходит из того, что постановления Европейского суда по правам человека выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они выступают обязательными решениями для государства-ответчика, а с другой — формируют авторитетные ориентиры толкования Конвенции для всех государств — участников. Такая двойственная юридическая природа постановлений Суда имеет принципиальное значение для понимания механизмов их исполнения. В статье анализируется данная особенность правовой природы постановлений Суда, рассматриваются основные формы их реализации в национальных правовых системах, а также механизм международного надзора за их исполнением в рамках Совета Европы.

В современной научной литературе сформировался значительный массив исследований, посвящённых анализу юриспруденции Европейского суда по правам человека и эволюции конвенционных стандартов защиты прав человека¹. Вместе с тем юридическая природа постановлений Суда в её взаимосвязи с механизмами их исполнения в национальных правовых системах государств — участников Конвенции остается недостаточно исследованной². Между тем именно порядок и эффективность реализации постановлений Европейского суда во многом определяют их фактическое воздействие на национальные правовые системы и, в конечном счёте, результативность всей конвенционной системы защиты прав человека³.

В статье анализируется юридическая природа постановлений Суда, рассматриваются основные формы их реализации в национальных правовых системах, а также механизм международного контроля за их исполнением в рамках Совета Европы.

Особенность конвенционного механизма заключается в том, что обязательность постановлений Суда закреплена непосредственно в тексте Конвенции. В соответствии со статьёй 46 Конвенции государства — участники обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами. Тем самым устанавливается обязательная юридическая сила решений Суда для государства-ответчика, а процесс их реализации становится предметом международного контроля в рамках институционального механизма Совета Европы.

Вместе с тем исполнение постановлений Европейского суда не ограничивается формальным признанием факта нарушения. Государство-ответчик обязано принять комплекс мер, направленных на устранение последствий нарушения и

¹ См.: **Harris D.J., O'Boyle M., Bates E.P., Buckley C.M.**, Law of the European Convention on Human Rights, 3rd ed., Oxford University Press, 2014, pp. 1-20, 180-199, **Оганесян В.А.** Актуальные проблемы международного права в контексте изменяющегося мирового порядка // European and Asian Law Review. 2023. Т. 6. № 3. С. 29–50.

² См.: **Leach P.** Taking a Case to the European Court of Human Rights, 3rd ed., Oxford University Press, 2012, pp. 83–106.

³ См.: **Lambert-Abdelgawad E.** The Execution of Judgments of the European Court of Human Rights, Council of Europe Publishing, 2008, pp. 13–25.

предотвращение аналогичных нарушений в будущем⁴. В этой связи постановления Суда постепенно приобретают более широкое значение, выходя за рамки разрешения индивидуального спора и способствуя совершенствованию национальных механизмов защиты прав человека.

Юридическая сила постановлений Суда носит двойственный характер. С одной стороны, они обладают обязательной силой *inter partes*, что находит выражение в принципе *res judicata*: окончательное решение Суда обязательно для государства-ответчика по конкретному делу⁵. С другой стороны, правовые позиции Суда имеют общеобязательное значение для всех Высоких Договаривающихся Сторон. Формируя стандарты толкования Конвенции, практика Суда трансформирует национальные правовые порядки. В доктрине этот эффект описывается термином *res interpretata*, согласно которому толкование Суда создает авторитетные правовые ориентиры для всех участников конвенционной системы⁶. В результате практика Суда выполняет не только функцию разрешения конкретных споров, но и приобретает нормативное значение, способствуя постепенной унификации стандартов защиты прав человека в правовых системах государств — участников Конвенции.

Эта двойственная природа создает внутреннее напряжение: формально обязательные только для государства-ответчика, постановления Суда фактически формируют правовые стандарты для всех участников Конвенции. Данное напряжение наиболее ярко проявляется в процессе исполнения, где государства должны балансировать между своими договорными обязательствами и суверенными законодательными прерогативами.

Доктрина «живого инструмента» (*living instrument*), согласно которой Европейская конвенция должна толковаться в свете современных условий⁷. Такой подход предполагает эволюционное толкование положений Конвенции, позволяющее адаптировать её нормы к изменениям общественных отношений и развитию стандартов защиты прав человека. Эволюционный характер такого толкования приводит к постоянному развитию конвенционных стандартов и оказывает влияние на содержание обязательств государств при исполнении постановлений Суда.

В современной доктрине международного права подчеркивается особая роль практики Европейского суда по правам человека в формировании общеевропейских стандартов защиты прав человека. Как отмечает Л. Вильдхабер, юриспруденция Суда способствует формированию единого правового пространства прав человека в государствах - участниках Конвенции⁸. В свою очередь,

⁴ См.: Papamichalopoulos and Others v. Greece, judgment of 31 October 1995.

⁵ См.: Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, adopted 4 Nov. 1950, entered into force on 3 Sept. 1953.

⁶ См.: Letsas G. *A Theory of Interpretation of the European Convention on Human Rights*, Oxford University Press, 2007, pp. 71–75.

⁷ См.: Tyrer v. United Kingdom, judgment of 25 April 1978, para. 31.

⁸ См.: Wildhaber L. *The European Court of Human Rights 1998–2006: History, Achievements, Reform*, N.P. Engel Verlag, 2007, pp. 45–52.

Փ. Судр указывает, что развитие практики Суда привело к своеобразной «конституционализации» конвенционной системы, поскольку его решения оказывают значительное влияние на развитие национальных правовых систем⁹.

Современные исследователи также подчеркивают возрастающее значение Суда как института европейского публичного порядка. Так, Г. Летсас рассматривает юриспруденцию Суда как важный инструмент развития принципов толкования Конвенции¹⁰, тогда как Д. Шпильман и А. Стоун Свит отмечают, что деятельность Суда способствует формированию общеевропейского пространства конституционного правосудия¹¹. По мнению А. Моубрея, Европейский суд по правам человека постепенно превратился в центральный институт европейской системы защиты прав человека¹².

Указанные доктринальные подходы позволяют рассматривать постановления Суда не только как акты разрешения индивидуальных споров, но и как важный механизм формирования общеевропейских стандартов прав человека, эффективность которого во многом определяется их последующей реализацией в национальных правовых системах государств — участников Конвенции.

В этой связи Европейский суд по правам человека всё чаще рассматривается в доктрине международного права как институт, выполняющий квази-конституционную функцию в европейском правовом пространстве¹³. Формируя стандарты толкования Конвенции и обеспечивая их применение в национальных правовых системах государств — участников, Суд способствует становлению своеобразного европейского публичного порядка в сфере защиты прав человека. Именно поэтому значение его постановлений выходит за рамки разрешения индивидуальных жалоб и приобретает более широкое системное значение для развития европейского правового пространства.

Практика Европейского суда по правам человека показывает, что сформулированные Судом стандарты защиты прав человека находят свое практическое выражение в обязательствах государств по устранению выявленных нарушений. Установление Судом факта нарушения Конвенции налагает на государство-ответчика обязанность устранить последствия правонарушения и, насколько это возможно, восстановить положение, существовавшее до его совершения (*restitutio in integrum*). Суд неоднократно подчеркивал, что постановление, которым устанавливается нарушение Конвенции, обязывает государство не только признать факт нарушения, но и принять меры, направленные на восстановление

⁹ См.: **Sudre F.** *Droit européen et international des droits de l'homme*, 11e éd., Presses Universitaires de France, 2016, pp. 157–160.

¹⁰ См.: **Letsas G.** *A Theory of Interpretation of the European Convention on Human Rights*, Oxford University Press, 2007, pp. 71–75.

¹¹ См.: **Spielmann D.** Stone Sweet A., *The European Court of Human Rights: The Institutionalization of Subsidiarity*, in: *Human Rights Law Review*, 2014, pp. 1–17.

¹² См.: **Mowbray A.** *Cases, Materials and Commentary on the European Convention on Human Rights*, 3rd ed., Oxford University Press, 2012, pp. 26–30.

¹³ См.: **Stone Sweet A., Keller H.** *A Europe of Rights: The Impact of the ECHR on National Legal Systems*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 3–8.

нарушенных прав заявителя и предотвращение аналогичных нарушений в будущем¹⁴.

Применение данного принципа в практике Европейского суда по правам человека может принимать различные формы в зависимости от характера установленного нарушения и особенностей национальной правовой системы государства-ответчика¹⁵. К числу таких мер относятся, в частности, восстановление права собственности, пересмотр национального судебного решения, освобождение лица из-под стражи, возобновление уголовного или гражданского производства, а также иные действия, направленные на устранение последствий нарушения прав заявителя¹⁶. Такие меры принято относить к индивидуальным мерам исполнения постановлений Суда, поскольку они направлены на восстановление прав конкретного заявителя и максимально возможное возвращение его в положение, существовавшее до совершения нарушения. Объем и характер таких мер определяются обстоятельствами каждого конкретного дела, а также возможностями национальной правовой системы обеспечить эффективное восстановление нарушенных прав¹⁷. Вместе с тем в ряде случаев устранение последствий нарушения требует принятия более широких мер общего характера, направленных на устранение структурных проблем национального правопорядка и предотвращение аналогичных нарушений в будущем¹⁸.

Важным элементом механизма исполнения постановлений Европейского суда по правам человека является также институт справедливой компенсации, предусмотренный статьёй 41 Конвенции. Данная норма применяется в тех случаях, когда внутреннее право государства-ответчика допускает лишь частичное устранение последствий установленного нарушения. В подобных ситуациях Суд вправе присудить заявителю справедливую компенсацию, которая выступает дополнительным средством восстановления нарушенных прав и направлена на устранение материального и морального вреда, причинённого нарушением Конвенции.

Следует отметить, что присуждение справедливой компенсации не заменяет обязанности государства устранить причины нарушения и принять необходимые меры индивидуального и общего характера. В практике Суда неоднократно подчёркивалось, что основным способом восстановления нарушенных прав является, по возможности, восстановление положения, существовавшего до совершения нарушения (*restitutio in integrum*), тогда как компенсация выступает дополнительным механизмом защиты прав заявителя в тех случаях, когда полное восстановление невозможно в рамках национальной правовой системы.

¹⁴ См.: Papamichalopoulos and Others v. Greece, judgment of 31 October 1995.

¹⁵ См.: Asatryan A. **The Re-Opening of Judicial Proceedings in the Armenian Law and Practice Following the Judgments of the European Court of Human Rights** // *Proceedings of YSU. Jurisprudence*. 2023. № 2. P. 106–107.

¹⁶ См.: *Barbera, Messegue and Jabardo v. Spain*, judgment of 6 December 1988, paras. 88–90.

¹⁷ См.: **De Salvia M.** *Compendium of the Case-law of the European Court of Human Rights*. The Hague: Kluwer Law International, 2001. P. 863–865.

¹⁸ См.: *Broniowski v. Poland*, judgment of 22 June 2004, paras. 189–194.

В последующей практике Европейского суда вопросы применения статьи 41 получили дальнейшее развитие. Так, в деле *Scordino v. Italy (No. 1)*¹⁹ Суд подчеркнул, что механизм компенсации должен обеспечивать эффективное средство восстановления нарушенных прав и соответствовать требованиям статьи 13 Конвенции, предусматривающей право на эффективное средство правовой защиты на национальном уровне. Данное решение стало важным этапом в развитии практики Суда в области справедливой компенсации, поскольку оно подчеркнуло необходимость создания в национальных правовых системах эффективных механизмов возмещения вреда, причинённого нарушением права на рассмотрение дела в разумный срок.

Более полное понимание юридической природы постановлений Европейского суда невозможно без анализа механизма их исполнения. Хотя обязательная юридическая сила постановлений Суда прямо закреплена в статье 46 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, их практическая эффективность во многом определяется функционированием международного механизма контроля за их исполнением²⁰. Именно наличие такого механизма обеспечивает превращение постановлений Суда из актов международного судебного установления нарушения в действенный инструмент защиты прав человека.

Специфика конвенционной системы заключается в том, что исполнение постановлений Европейского суда по правам человека находится не только в сфере ответственности государства-ответчика, но и является предметом институционального международного надзора. Наличие такого механизма существенно влияет на правовую природу постановлений Суда, поскольку их обязательность обеспечивается не только нормой международного договора, но и процедурой контроля за их исполнением в рамках Совета Европы.

В соответствии с пунктом 2 статьи 46 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод надзор за исполнением окончательных постановлений Европейского суда по правам человека осуществляет Комитет министров Совета Европы. Рассмотрение вопросов исполнения постановлений Суда происходит на специальных заседаниях Комитета министров по правам человека (DH-meetings), которые проводятся, как правило, четыре раза в год. В этих заседаниях участвуют представители государств — членов Совета Европы, преимущественно их постоянные представители при Совете Европы в Страсбурге, а также иные уполномоченные представители государств, вовлечённые в процесс исполнения постановлений Суда.

Комитет министров занимает центральное место в системе исполнения решений Европейского суда, обеспечивая контроль за тем, чтобы государства — участники Конвенции принимали необходимые индивидуальные и общие меры, направленные на устранение выявленных нарушений и предотвращение их повторения в будущем.

В этой связи механизм надзора, осуществляемый Комитетом министров, приобретает принципиальное значение для понимания юридической природы постановлений Суда. Именно на стадии их исполнения правовые выводы Суда

¹⁹ См.: *Scordino v. Italy (No. 1)*, Judgment of 29 March 2006.

²⁰ См.: **Sedrakyan A.** The Strategic Perspective for the Execution of Judgments of the European Court of Human Rights // *Proceedings of YSU. Jurisprudence.* 2023. № 2. P. 11–12.

трансформируются в конкретные законодательные, административные и институциональные изменения в национальных правовых системах государств — участников Конвенции.

Следует учитывать, что первоначальная система контроля, созданная Конвенцией, существенно отличалась от современной модели. До реформы, осуществленной Протоколом № 11²¹, конвенционный механизм включал три института: Европейскую комиссию по правам человека, Европейский суд по правам человека и Комитет министров Совета Европы. При этом Комитет министров обладал не только функцией надзора за исполнением решений, но и определенными полномочиями по рассмотрению дел по существу в тех случаях, когда они не передавались в Суд. Проведенная реформа изменила институциональную логику конвенционного механизма: после создания постоянного Суда функция Комитета министров была окончательно трансформирована в механизм международного контроля за исполнением судебных постановлений²². Именно это обстоятельство усилило значение стадии исполнения решений Суда и подчеркнуло роль международного надзора в обеспечении эффективности конвенционной системы.

Протокол № 11 существенно изменил институциональную структуру конвенционного механизма, создав единый постоянный Европейский суд по правам человека и ограничив роль Комитета министров осуществлением надзора за исполнением постановлений Суда.

Дальнейшее развитие механизма контроля было связано с принятием Протокола № 14, вступившего в силу в 2010 году²³. Этот протокол усилил возможности Комитета министров по обеспечению исполнения постановлений Суда. В частности, статья 46 Конвенции была дополнена положениями, позволяющими Комитету министров обращаться в Суд с запросом о толковании постановления, а также инициировать процедуру установления факта неисполнения государством окончательного постановления Суда. Данная процедура получила практическое применение, в частности, в деле *Ilgar Mammadov v. Azerbaijan*²⁴, в рамках которого Комитет министров впервые воспользовался механизмом, предусмотренным пунктом 4 статьи 46 Конвенции.

На специальных заседаниях Комитета министров по правам человека рассматривается ход исполнения постановлений Европейского суда, в рамках чего государства-ответчики представляют планы действий (*action plans*) или отчеты о выполнении (*action reports*), содержащие информацию о мерах, принятых для реализации соответствующих решений²⁵.

²¹ См.: Protocol No. 11 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, restructuring the control machinery established thereby (Strasbourg, 11 May 1994), entered into force on 1 November 1998.

²² См.: **Stone Sweet A., Keller H.** A Europe of Rights: The Impact of the ECHR on National Legal Systems. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 12–15.

²³ См.: Protocol No. 14 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Strasbourg, 13 May 2004), entered into force on 1 June 2010.

²⁴ См.: *Ilgar Mammadov v. Azerbaijan* (infringement proceedings), Judgment of the Grand Chamber, 29 May 2019, Application No. 15172/13.

²⁵ См.: *Guide for the Drafting of Action Plans and Reports for the Execution of Judgments of the European Court of Human Rights*. Strasbourg: Department for the Execution of Judgments of the

Планы действий представляются, как правило, на первоначальном этапе после вынесения постановления и содержат описание мер, которые государство намерено принять для устранения выявленного нарушения. К таким мерам могут относиться выплата справедливой компенсации заявителю, пересмотр национальных судебных решений, изменение административной практики либо проведение законодательных реформ. Так, после постановления Европейского суда по делу *Torreggiani and Others v. Italy*²⁶, касавшегося проблемы переполненности пенитенциарных учреждений, государство представило в Комитет министров план действий, предусматривающий принятие комплекса законодательных и административных мер, направленных на сокращение числа заключённых и улучшение условий содержания.

Отчёты о выполнении представляются на более поздних этапах процедуры надзора и содержат сведения о фактически реализованных мерах. Так, после постановления по делу *Broniowski v. Poland*²⁷, в котором Суд впервые применил процедуру пилотного постановления, направленную на устранение структурной проблемы, лежащей в основе большого числа аналогичных жалоб, государство-ответчик представило в Комитет министров ряд отчётов о выполнении. В этих документах содержалась информация о принятых законодательных и административных мерах, направленных на создание национального механизма компенсации и урегулирование многочисленных аналогичных требований.

В зависимости от характера выявленных нарушений рассмотрение дел осуществляется в рамках двух процедур надзора: стандартной процедуры и процедуры усиленного надзора (*enhanced supervision*). Стандартная процедура применяется в тех случаях, когда исполнение постановления не связано со значительными структурными проблемами и требует принятия ограниченного круга мер. Усиленный надзор используется, как правило, в ситуациях, когда постановление Суда выявляет системные недостатки национального правопорядка, требует масштабных законодательных реформ либо касается серьёзных нарушений прав человека.

Характерным примером применения процедуры усиленного надзора является дело *Oleksandr Volkov v. Ukraine*²⁸, касавшееся незаконного увольнения судьи Верховного Суда Украины. В своём постановлении Европейский суд установил нарушение статьи 6 Конвенции и указал на наличие серьёзных структурных недостатков в системе дисциплинарной ответственности судей. Учитывая необходимость проведения комплексных институциональных и законодательных реформ, исполнение данного постановления было рассмотрено Комитетом министров в рамках процедуры усиленного надзора. В процессе исполнения государство приняло ряд мер, направленных на реформирование системы дисциплинарной ответственности судей и обеспечение гарантий независимости

ECtHR, 2015. Available at: <https://rm.coe.int/4-guide-for-the-drafting-of-action-plans-and-reports/1680ab2bb7>

²⁶ См.: *Torreggiani and Others v. Italy*, Judgment of the European Court of Human Rights, 8 January 2013.

²⁷ См.: *Broniowski v. Poland*, Judgment of the European Court of Human Rights, 22 June 2004.

²⁸ См.: *Oleksandr Volkov v. Ukraine*, Judgment of the European Court of Human Rights, 9 January 2013.

судебной власти. Этот пример наглядно демонстрирует, что процедура усиленного надзора применяется в ситуациях, когда исполнение постановления требует устранения системных проблем национального правопорядка и проведения масштабных институциональных преобразований.

Показательно, что в ряде случаев надзор Комитета министров приводит к проведению масштабных структурных реформ в национальных правовых системах. Одним из известных примеров является дело *Scordino v. Italy (No. 1)*²⁹, в котором Европейский суд по правам человека установил системную проблему чрезмерной продолжительности судебных разбирательств в Италии. В рамках исполнения данного постановления под надзором Комитета министров государство приняло комплекс законодательных мер, направленных на создание эффективного национального средства правовой защиты для компенсации ущерба, причинённого чрезмерной длительностью судебных процедур. Реализация этих мер стала важным элементом реформирования национальной системы правосудия и позволила обеспечить более эффективную защиту права на рассмотрение дела в разумный срок.

Другим показателем влияния механизма исполнения постановлений Суда является дело *Hirst v. the United Kingdom (No. 2)*³⁰, касающееся запрета на участие заключённых в выборах. Несмотря на продолжительную политическую дискуссию внутри государства, Комитет министров в течение многих лет осуществлял надзор за исполнением данного постановления, регулярно рассматривая представляемые правительством Соединённого Королевства планы действий и отчёты о ходе реформ.

Показательной является также практика исполнения постановлений Европейского суда по правам человека, касающихся свободы выражения мнения, свободы собраний и функционирования судебной системы в Турции. В ряде дел Суд устанавливал нарушения Конвенции, связанные с применением антитеррористического законодательства и уголовным преследованием журналистов, общественных деятелей и представителей гражданского общества. Исполнение таких постановлений рассматривалось Комитетом министров в рамках процедуры усиленного надзора, поскольку выявленные нарушения носили системный характер и требовали проведения законодательных и институциональных реформ³¹.

Одним из наиболее показательных примеров является дело *Kavala v. Türkiye*, в котором Европейский суд установил нарушение статей 5 и 18 Конвенции, признав, что уголовное преследование заявителя преследовало цели, несовместимые с Конвенцией³². В связи с длительным неисполнением постановления Комитет министров осуществлял усиленный надзор за его исполнением и впоследствии инициировал процедуру, предусмотренную пунктом 4 статьи 46 Конвенции, направив дело обратно в Европейский суд для установления факта неисполнения

²⁹ См.: *Scordino v. Italy (No. 1)*, Judgment of the European Court of Human Rights, 29 March 2006

³⁰ См.: *Hirst v. the United Kingdom (No. 2)*, Judgment of 6 October 2005.

³¹ См.: Council of Europe, Committee of Ministers. Supervision of the Execution of Judgments and Decisions of the European Court of Human Rights: Annual Report 2023. Strasbourg: Council of Europe, 2024.

³² См.: *Kavala v. Türkiye*, Judgment of the European Court of Human Rights, 10 December 2019.

государством окончательного постановления. Данный пример наглядно демонстрирует значение механизма международного контроля за исполнением решений Суда и его роль в обеспечении соблюдения государствами своих обязательств по Конвенции.

В рамках процедуры надзора Комитет министров может принимать промежуточные резолюции (*interim resolutions*), в которых выражается обеспокоенность ходом исполнения постановления Суда либо формулируются рекомендации государству-ответчику относительно мер, необходимых для устранения выявленных нарушений. Принятие таких резолюций, как правило, свидетельствует о наличии серьёзных трудностей в процессе исполнения постановления или о длительном отсутствии необходимых законодательных либо административных мер со стороны государства. Так, в практике Комитета министров промежуточные резолюции принимались, в частности, в рамках исполнения постановления по делу *Hirst v. the United Kingdom (No. 2)*³³, касавшегося запрета на участие заключённых в выборах. В условиях продолжительного неисполнения постановления Комитет министров неоднократно обращал внимание властей Соединённого Королевства на необходимость приведения национального законодательства в соответствие с требованиями Конвенции. Подобные резолюции выполняют важную функцию политико-правового давления и направлены на стимулирование государств к принятию необходимых мер для исполнения постановлений Суда.

Контроль за исполнением постановлений Суда продолжается до тех пор, пока Комитет министров не придёт к выводу о том, что государство-ответчик выполнило свои обязательства по статье 46 Конвенции. После завершения процедуры надзора Комитет министров принимает окончательную резолюцию (*final resolution*), в которой констатируется, что постановление Суда было исполнено и что государство приняло необходимые индивидуальные и общие меры для устранения выявленного нарушения. Примером может служить завершение процедуры надзора по делу *Broniowski v. Poland*³⁴, связанному с системной проблемой компенсации за имущество, утраченное после Второй мировой войны. После принятия Польшей комплекса законодательных мер и создания национального механизма компенсации Комитет министров принял окончательную резолюцию, признав постановление Суда исполненным. Подобные решения свидетельствуют о завершении международного контроля и подтверждают, что государство реализовало необходимые меры для устранения выявленных нарушений и предотвращения их повторения в будущем.

В данном контексте исполнение постановлений Суда приобретает характер коллективного механизма обеспечения соблюдения обязательств государств по Конвенции, поскольку контроль за их выполнением осуществляется всеми государствами - участниками Конвенции через Комитет министров Совета Европы. Надзор со стороны Комитета министров придаёт постановлениям Суда дополнительное институциональное измерение, поскольку их исполнение

³³ См.: *Hirst v. the United Kingdom (No. 2)*, Judgment of 6 October 2005.

³⁴ См.: *Broniowski v. Poland*, Judgment of 22 June 2004.

становится предметом совместного контроля государств — участников конвенционной системы.

Данный механизм отражает закреплённый в статье 46 Конвенции принцип коллективной гарантии соблюдения прав человека, в соответствии с которым государства — участники Конвенции несут совместную ответственность за обеспечение исполнения постановлений Суда³⁵.

В совокупности рассмотренные элементы механизма исполнения постановлений Европейского суда по правам человека свидетельствуют о том, что стадия исполнения занимает ключевое место в функционировании конвенционной системы защиты прав человека. Именно на этом этапе правовые позиции Суда получают практическую реализацию в национальных правовых системах государств — участников Конвенции. Механизм международного надзора, осуществляемый Комитетом министров Совета Европы, обеспечивает институциональные гарантии выполнения государствами своих обязательств и способствует трансформации постановлений Суда в конкретные изменения национального законодательства, административной практики и судебной деятельности.

Одним из фундаментальных принципов функционирования конвенционной системы является принцип субсидиарности. В соответствии с данным принципом основная ответственность за обеспечение и защиту прав человека возлагается на национальные органы государственной власти, включая законодательные, исполнительные и судебные институты. Европейский суд по правам человека в этой системе выполняет преимущественно надзорную функцию, вмешиваясь лишь в тех случаях, когда национальные механизмы защиты оказываются неэффективными либо не обеспечивают надлежащего уровня защиты прав, гарантированных Конвенцией. Эффективность исполнения постановлений Суда непосредственно связана с функционированием данного принципа, поскольку именно национальные органы власти играют ключевую роль в реализации конвенционных стандартов в национальных правовых системах. Таким образом, конвенционная система формирует многоуровневый механизм защиты прав человека, в котором международный судебный контроль дополняет, но не подменяет национальные правовые механизмы.

В практике Суда данный принцип получил дальнейшее развитие в ряде доктринальных подходов, направленных на определение пределов соотношения международного судебного контроля и автономии государств при реализации положений Конвенции.

Вместе с тем пределы такого усмотрения не являются безграничными. Их объём зависит от характера защищаемого права, степени существования европейского консенсуса по соответствующему вопросу, а также от природы установленного нарушения. В контексте исполнения постановлений Суда это означает, что государствам предоставляется определённая свобода выбора конкретных средств реализации постановления — например, посредством изменения законодательства, реформирования административной практики либо

³⁵ См.: **Harris D., O'Boyle M., Bates E., Buckley C.** Law of the European Convention on Human Rights. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 38–40.

корректировки судебной практики³⁶. Однако эта свобода касается преимущественно формы исполнения. Результат исполнения не может быть предметом усмотрения: принимаемые меры должны быть эффективными и приводить к реальному устранению выявленного нарушения, а также к предотвращению аналогичных нарушений в будущем.

В совокупности принцип субсидиарности, доктрина пределов усмотрения и механизм надзора за исполнением постановлений формируют особую модель взаимодействия между Судом и национальными правовыми системами государств — участников Конвенции. В данной модели международный судебный контроль сочетается с активной ролью национальных органов власти в реализации конвенционных стандартов, что позволяет обеспечить их эффективное применение в различных правовых и институциональных условиях.

В этом контексте исполнение постановлений Суда постепенно формирует своеобразный диалог между Судом и национальными правовыми системами государств — участников Конвенции³⁷. В процессе такого взаимодействия правовые стандарты, выработанные Судом, интегрируются в национальные правовые порядки посредством законодательных реформ, изменения судебной практики и совершенствования механизмов защиты прав человека. Подобный диалог между международным судом и национальными органами правосудия является важным элементом функционирования конвенционной системы и способствует постепенной гармонизации стандартов защиты прав человека в европейском правовом пространстве.

В конечном счёте именно такое взаимодействие между Судом и национальными правовыми системами обеспечивает практическую эффективность Конвенции. Исполнение постановлений Суда выступает не только средством восстановления нарушенных прав в конкретных делах, но и важным механизмом развития национальных правовых систем и укрепления общеевропейских стандартов защиты прав человека. Анализ механизма исполнения показывает, что юридическая природа постановлений Суда не ограничивается их формальной обязательной силой *inter partes*, а проявляется также в их способности инициировать структурные изменения в национальных правовых системах государств — участников Конвенции. Тем самым постановления Европейского суда по правам человека приобретают значение не только актов разрешения индивидуальных споров, но и важного инструмента формирования общеевропейского правового пространства защиты прав человека.

В проведённом исследовании показано, что юридическая природа постановлений Европейского суда по правам человека не может быть сведена исключительно к их обязательной силе для государства-ответчика в конкретном деле. Хотя формально постановления Суда обладают обязательным характером *inter partes*, их фактическое значение значительно шире. Благодаря формированию авторитетных стандартов толкования Конвенции практика Суда оказывает системное воздействие на развитие национальных правовых систем государств — участников Конвенции. Через механизм исполнения постановлений правовые

³⁶ См.: Scozzari and Giunta v. Italy, Judgment of 13 July 2000.

³⁷ См.: **Cançado Trindade A.A.** The Access of Individuals to International Justice. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 45–52.

позиции Суда трансформируются в конкретные законодательные, административные и судебные изменения, направленные на устранение выявленных нарушений и предотвращение их повторения. В результате постановления Суда выступают не только инструментом индивидуальной защиты прав заявителей, но и важным механизмом институционального развития национальных правовых порядков.

Одновременно анализ механизма исполнения постановлений показывает, что эффективность конвенционной системы во многом определяется взаимодействием между Европейским судом и национальными органами государственной власти. Принцип субсидиарности, доктрина пределов усмотрения и система международного надзора со стороны Комитета министров формируют особую модель распределения ответственности за обеспечение прав человека в Европе. В рамках этой модели международный судебный контроль сочетается с активной ролью национальных правовых систем в реализации конвенционных стандартов. Подобная система взаимодействия способствует формированию устойчивого общеевропейского правового пространства защиты прав человека, в котором практика Европейского суда по правам человека выступает важным фактором постепенной гармонизации правовых стандартов и укрепления принципа верховенства права в государствах — участниках Конвенции.

Тем самым деятельность Европейского суда по правам человека выходит за рамки разрешения индивидуальных жалоб и приобретает более широкое системное значение, способствуя формированию устойчивого общеевропейского правового порядка, основанного на единых стандартах защиты прав человека и принципе верховенства права.

ՄՏԵՓԱՆ ՔԱՐՏԱՇՅԱՆ – Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի վճիռների իրավաբանական բնույթը և դրանց կատարման առանձնահատկությունները – Հոդվածը նվիրված է Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի (ՄԻԵԴ) վճիռների իրավաբանական բնույթին և մարդու իրավունքների պաշտպանության կոնվենցիոն համակարգի շրջանակներում դրանց կատարման առանձնահատկությունների վերլուծությանը: ՄԻԵԴ վճիռները ունեն երկակի իրավաբանական բնույթ. մի կողմից՝ դրանք պարտադիր են *inter partes* պատասխանող պետության համար, իսկ մյուս կողմից՝ ձևավորում են Մարդու իրավունքների եվրոպական կոնվենցիայի մեկնաբանման հեղինակավոր չափանիշներ բոլոր մասնակից պետությունների համար (*res interpretata*): Հոդվածում ուսումնասիրվում են ՄԻԵԴ վճիռների իրականացման հիմնական եղանակները ազգային իրավական համակարգերում, ներառյալ կատարման անհատական և ընդհանուր միջոցները, ինչպես նաև դրանց կատարման միջազգային վերահսկողության մեխանիզմը, որն իրականացվում է Եվրոպայի խորհրդի նախարարների կոմիտեի կողմից: Եզրակացություն է արվում՝ ՄԻԵԴ պրակտիկան էական ազդեցություն ունի ազգային իրավական համակարգերի զարգացման վրա և նպաստում է մարդու իրավունքների պաշտպանության համաեվրոպական չափանիշների ձևավորմանը:

Բանալի բառեր – Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարան, ՄԻԵԴ վճիռների իրավաբանական բնույթ, ՄԻԵԴ վճիռների կատարման միջազգային վերահսկողություն:

յուն, Եվրոպայի խորհրդի նախարարների կոմիտե, ՄԻԵԴ վճիռների կատարման անհատական և ընդհանուր բնույթի միջոցներ, Մարդու իրավունքների եվրոպական կոնվենցիա, «կենդանի գործիք» դոկտրին

STEPAN KARTASHYAN – Legal Nature of Judgments of the European Court of Human Rights and Specifics of Their Implementation. – This article analyzes the legal nature of judgments of the European Court of Human Rights and the specifics of their execution within the conventional human rights system. It demonstrates that judgments of the ECHR have a dual legal nature: on the one hand, they are binding inter partes for the respondent state, while on the other, they form authoritative standards of interpretation of the European Convention on Human Rights for all member states (*res interpretata*). The article examines the main forms of implementation of ECHR judgments in national legal systems, including individual and general measures of execution, as well as the mechanism of international supervision of their execution, carried out by the Committee of Ministers of the Council of Europe. It concludes that the ECHR's practice has a significant impact on the development of national legal systems and contributes to the formation of pan-European standards for the protection of human rights.

Key words: *European Court of Human Rights, legal nature of ECtHR judgments, international supervision of the execution of ECtHR judgments, Committee of Ministers of the Council of Europe, individual and general measures of execution of ECtHR judgments, European Convention on Human Rights, "living instrument" doctrine.*

Լիտերատրա/References

- Оганесян В.А. Актуальные проблемы международного права в контексте изменяющегося мирового порядка // *European and Asian Law Review*. 2023. № 3. стр. 29–50.
- Asatryan A. "The Re-Opening of Judicial Proceedings in the Armenian Law and Practice Following the Judgments of the European Court of Human Rights" // *Proceedings of YSU. Jurisprudence*. 2023. № 2. pp. 106–107.
- Barbera, Messegue and Jabardo v. Spain, Judgment of the European Court of Human Rights, 6 December 1988.
- Broniowski v. Poland, Judgment of the European Court of Human Rights, 22 June 2004.
- Cañado Trindade A.A. *The Access of Individuals to International Justice*. Oxford: Oxford University Press, 2011, pp. 45–52.
- Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, adopted 4 Nov. 1950, entered into force on 3 Sept. 1953.
- Council of Europe, Committee of Ministers. *Supervision of the Execution of Judgments and Decisions of the European Court of Human Rights: Annual Report 2023*. Strasbourg: Council of Europe, 2024.
- De Salvia M. *Compendium of the Case-law of the European Court of Human Rights*. The Hague: Kluwer Law International, 2001, pp. 863–865.
- Guide for the Drafting of Action Plans and Reports for the Execution of Judgments of the European Court of Human Rights. Strasbourg: Department for the Execution of Judgments of the ECtHR, 2015.
- Harris D., O’Boyle M., Bates E., Buckley C. *Law of the European Convention on Human Rights*. 4th ed., Oxford: Oxford University Press, 2018, pp. 38–40.
- Hirst v. the United Kingdom (No. 2), Judgment of the European Court of Human Rights, 6 October 2005.
- Ilgar Mammadov v. Azerbaijan (infringement proceedings), Judgment of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights, 29 May 2019.
- Kavala v. Türkiye, Judgment of the European Court of Human Rights, 10 December 2019.
- Lambert-Abdelgawad E. *The Execution of Judgments of the European Court of Human Rights*. Council of Europe Publishing, 2008, pp. 13–25.

- Leach P. Taking a Case to the European Court of Human Rights. 3rd ed., Oxford University Press, 2012, pp. 83–106.
- Letsas G. A Theory of Interpretation of the European Convention on Human Rights. Oxford University Press, 2007, pp. 71–75.
- Mowbray A. Cases, Materials and Commentary on the European Convention on Human Rights. 3rd ed., Oxford University Press, 2012, pp. 26–30.
- Oleksandr Volkov v. Ukraine, Judgment of the European Court of Human Rights, 9 January 2013.
- Papamichalopoulos and Others v. Greece, Judgment of the European Court of Human Rights, 31 October 1995.
- Protocol No. 11 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, restructuring the control machinery established thereby (Strasbourg, 11 May 1994), entered into force on 1 November 1998.
- Protocol No. 14 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Strasbourg, 13 May 2004), entered into force on 1 June 2010.
- Scordino v. Italy (No. 1), Judgment of the European Court of Human Rights, 29 March 2006.
- Scozzari and Giunta v. Italy, Judgment of the European Court of Human Rights, 13 July 2000.
- Sedrakyan A. "The Strategic Perspective for the Execution of Judgments of the European Court of Human Rights" // Proceedings of YSU. Jurisprudence. 2023. № 2. pp. 11–12.
- Spielmann D., Stone Sweet A. "The European Court of Human Rights: The Institutionalization of Subsidiarity". Human Rights Law Review, 2014, pp. 1–17.
- Stone Sweet A., Keller H. A Europe of Rights: The Impact of the ECHR on National Legal Systems. Oxford: Oxford University Press, 2008, pp. 12–15.
- Sudre F. Droit européen et international des droits de l'homme. 11e éd., Presses Universitaires de France, 2016, pp. 157–160.
- Torreggiani and Others v. Italy, Judgment of the European Court of Human Rights, 8 January 2013.
- Tyrer v. United Kingdom, Judgment of the European Court of Human Rights, 25 April 1978.
- Wildhaber L. The European Court of Human Rights 1998–2006: History, Achievements, Reform. N.P. Engel Verlag, 2007, pp. 45–52.